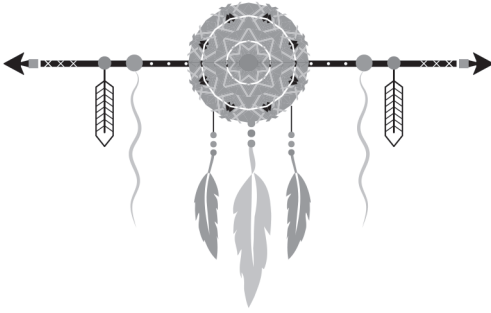

Содержание

<i>Эпизод 1. Два пробуждения.....</i>	<i>5</i>
<i>Эпизод 2. Тихий городок.....</i>	<i>54</i>
<i>Эпизод 3. На встречу с «Медведем».....</i>	<i>74</i>
<i>Эпизод 4. Перспектива 1</i>	<i>98</i>
<i>Эпизод 5. Маша.....</i>	<i>111</i>
<i>Эпизод 6. Сборы в дорогу.....</i>	<i>138</i>
<i>Эпизод 7. Перспектива 2</i>	<i>149</i>
<i>Эпизод 8. Свобода.....</i>	<i>164</i>
<i>Эпизод 9. Перспектива 3</i>	<i>181</i>
<i>Эпизод 10. Среди своих.....</i>	<i>194</i>
<i>Эпизод 11. Это была белая полоса.....</i>	<i>211</i>
<i>Эпизод 12. Перспектива 4.....</i>	<i>224</i>
<i>Эпизод 13. Вниз по спирали.....</i>	<i>239</i>
<i>Эпизод 14. Перспектива 5.....</i>	<i>254</i>
<i>Эпизод 15. Новая работа.....</i>	<i>262</i>
<i>Эпизод 16. Разгрузка с претензией.....</i>	<i>278</i>
<i>Эпизод 17. Под откос</i>	<i>293</i>
<i>Эпизод 18. Пружина сжимается.....</i>	<i>308</i>
<i>Эпизод 19. Пружина разжимается</i>	<i>340</i>

Эпизод 1

Два пробуждения

ТИХИЙ ГОРОДОК НА АЛЯСКЕ

— ...Дже-е-ек! Дже-е-ек, мать твою так, Джонсо-он!
Джеки, восстань ото сна и сияй!

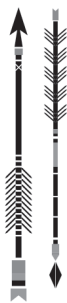
Хуц-Ги-Сати очень хотелось застонать и отвернуться к стене. Хорошо бы еще натянуть на голову одеяло.

Но он не отвернулся. И не натянул одеяло. Ибо не пристало гордому тлинкиту бежать от превратностей судьбы. А одеяла попросту не было.

А был шеф Грегори Андерсон.

И полицейский участок крохотного городишки. Хуц-Ги-Сати постарался припомнить, что он здесь делает в этот раз, но так толком и не сумел. Он попытался сосредоточиться, занудный голос Андерсона поплыл, стал почти неразличим. Что-то он бормотал о туристах, претензиях, жалобе тетушки Шават-хиц, но Хуц-Ги-Сати не слушал. Это все потом...

Он точно помнил, что оставил свой грузовик на стоянке.

Рейс был долгий, груз он доставил даже с опережением, ему даже выплатили премию, значит, он был при деньгах.

И как решил в родной дом навеститься — тоже помнил.

Да, после смерти родителей он бывал тут все реже, но здесь были духи его предков, здесь была его связь со всем родом... От которого, будь прокляты белые завоеватели, остался он один — горько подумал Хуц-Ги-Сати.

Индеец наконец огрызнулся:

— Я не Джек. И не Джонсон. Ты сам знаешь, как меня зовут, Андерсон!

Сказал и почувствовал, как саднят ребра, а во рту сильнее появился хорошо знакомый вкус — крови.

Значит, вчера он дрался.

И ему набили морду.

— А в правах у тебя что написано, Джеки? — ласково спросил Андерсон и вздохнул. — Ну, вот скажи, что у тебя за дурь? Что сказала бы матушка твоя, миссис Джонсон?

Это он зря ляпнул.

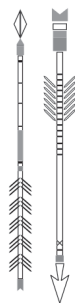
Хуц-Ги-Сати резко поднялся, шагнул к решетке «обезьянника» — и охнул. Боль скрутила не только ребра, но и тяжелым кулаком ударила в грудину. Он со свистом выдохнул и медленно опустился обратно на скамью.

— Ты мою мать не трожь! И отца не смей! Если бы не вы, проклятые белые колонизаторы...

Он замолчал.

Что толку объяснять этому бледнолицему...

Сколько угодно могут они лицемерно извиняться и напоказ заявлять, что сейчас, в XXI веке, тлинкиты живут на своей земле и общество делает все, чтобы... ну и дальше все эти благоглупости про равные права и открытые дороги к американской мечте.

Он-то за свои почти тридцать лет хорошо понял, что белые веками истребляли его народ и даже саму память о величии тлинкитов, древняя цивилизация которых много тысячелетий процветала на Аляске! И если бы не подлый обман...

От злости он скрипнул зубами.

— Да и не трогаю я ее, — махнул рукой шеф Андерсон. Красная его рожа даже изобразила что-то вроде сочувствия. — Ты ж и не помнишь небось, как я и Пенни вам помогали? И соседи помогали...

Помогали они, как же...

Жалкие подачки, получая которые мать плакала.

А нормальную страховку после смерти мужа компания так и не выплатила.

Пусть терзают вечно злые духи тех гладеньких юристов, что вывернули закон! «С сожалением сообщаем, что мистер Джонсон нарушил требования безопасности, и вы не можете претендовать на страховку и другие компенсационные выплаты, которые полагались бы по контракту, будь соблюдены все нормы охраны труда».

Он совсем маленьким был, но хорошо помнил, как закаменело лицо матери.

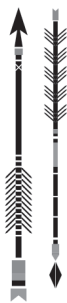
С того дня Хуц-Ги-Сати тщательно взращивал в себе ненависть.

Ко всем белым вообще.

К законникам — особо.

К богатеньким — отдельно.

Особенно когда умерла мать. Так и не смогла пережить смерть мужа, надорвалась, пытаюсь вырастить сына, порвала сердце, глядя, как раз за разом возвращается он из школы с разбитым носом, распухшими губами и смотрит волчонком.

Ведь он понял, что его обманывают учителя и скрывают настоящую историю его великого народа, — возненавидел и их.

И белых — тоже.

Черных было мало, но и они на самом деле были не лучше, держались стаяй и воевали против всего мира.

Главное — были чужаками на его земле.

— Вот скажи мне, на кой черт ты с этими русскими туристами связался? — прервал его воспоминания коп. — Мало того что себе жизнь испортил, а людям отдых, так еще и тетушке Шават-хиц — они ж как раз к ней в лавочку за сувенирами зашли. Зачем тебя туда понесло? — Андерсон даже руками развел. К решетке, правда, ближе подходить не стал. — Как ты ходить вообще мог?

И отпрянул — индеец вдруг оказался прямо у решетки. Глаза едва видели, морда отекая, куртка в грязи и какой-то дряни, но шеф Андерсон хорошо помнил, что Джек-тлинкит был парнем резким, жилистым, а после смерти родителей — со все более мерзким характером.

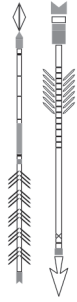
Ну вот чего его обратно принесло? Все уж думали, сгинул, но нет. «Ну за что мне это?» — с тоской подумал Андерсон.

А индеец уже шипел:

— С русскими?! И ты засадил в каталажку меня?! Вы, белые, готовы на все, лишь бы унижить коренного американца! Нас, тлинкитов! Тех, кто еще двести лет назад воевал с русскими! Мы единственные были за слоном на пути русских орд!

Хуц-Ги-Сати даже забыл о боли в груди, не обращал внимания на брызги кровавой слюны, летевшие изо рта, когда он плевался проклятьями.

Белых он ненавидел отчаянно. Но больше всего он ненавидел русских. Его народ воевал с проклятыми бе-

лыми дикарями! Тлинкитские воины вырезали заносчивых пришельцев и освободили Ситку от незваных гостей, что возомнили себя хозяевами! И снова лишь хитростью и обманом бледнолицые лишили его народ заслуженной славы!

Он лишь чувствовал, как растет в голове кровавая волна.

А Андерсон с опаской смотрел. И думал, что это хорошо, что Джек не помнит, кто его так отделал. И правильно, что он не пустил сюда Шермана, которого пришлось от Джека оттаскивать после того, как чертов индеец сломал помощнику нос. Хорошо еще, с русским удалось решить нормально.

«Когда же он уgomонится...» — устало думал Андерсон.

А Джек вдруг кашлянул и замолчал. Устало махнул рукой, пробормотал:

— Сволочь ты, Андерсон. — И лег на лавку.

Отвернулся к стене. Замолчал.

Хуц-Ги-Сати мутило. Красная волна ярости ушла, оставила только горькое серое безразличие. Очень хотелось спать, и индеец закрыл глаза.

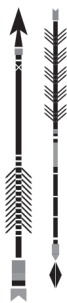
Чуть слышно кашлянул, рот снова наполнился теплым и соленым.

Потом стало темно.

— А скажи мне, Дима, ну за каким хреном, прости господи, ты полез на вахтовиков?

Голос был одновременно и знакомый, и незнакомый. Слова отдавались в голове каким-то странным... не гулом, а будто бы эхом, доходили до мозгов с за-

держкой. Словно были они поначалу незнакомыми, а потом он их медленно узнавал. От этого речь шефа Андерсона звучала странно, непривычно.

Диковинно — всплыло откуда-то незнакомое слово.

«И почему он меня назвал каким-то новым, но тоже поганым именем?!»

Хуц-Ги-Сати прислушался к себе. Морда болела. Но не так сильно, как... когда? Сколько прошло времени? Судя по всему, немного, он даже не успел выспаться, и ребра — ох-х-х... А вот грудина саднила не так сильно, и кровянки во рту не было.

Зато было ощущение какой-то неправильности всего вокруг.

«Запахи!» — понял он и осторожно втянул воздух.

Мир вокруг пах иначе — он чувствовал ароматы теплого дерева, крепкого табака... Откуда?! Андерсон никогда не курил, да и цены на курево были такие, что не подступишься.

Пахло и чем-то съедобным, но тоже неизвестным и потому пугающим.

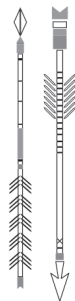
— Дима, ты не прикидывайся, я ж вижу, что ты очухался.

Пришлось открыть глаза и повернуться. Стена была вроде знакомой, крашенной в мерзкий тускло-зеленый цвет. Он сел на лавке, поднял голову — мир дико взбрыкнул, картинка перед глазами раздвоилась и затряслась так, что Хуц-Ги-Сати чуть не блеванул, и встала на место.

Хуц-Ги-Сати сидел за решеткой.

Только вот всего того, что было за ней, он никогда раньше не видел.

Просторная комната, в ней три стола. Окна большие, но забраны решетками. На стенах плакаты, как в нормальных полицейских участках, только слова на них

странные, буквы плывут, прежде чем встать на место, как и фразы, которые произносит мужик за столом... Чем-то неуловимо похожий на шефа Андерсона. Но копы — они все друг на друга похожи. Чарли Ворон, старый дружок, не раз хохмил, что их всех в тайных лабораториях растит правительство.

Но у этого куда более обветренная рожа, усы, какие Хуц-Ги-Сати видел раз в жизни, когда училка смогла для класса организовать поездку в Ситку. Там, кажись, музей был, а в нем старые рисунки. Вот на них люди как раз с такими усами были.

И форма — не видел он такую ни разу. Темно-зеленая куртка с высоким воротом, непонятные нашивки и медаль почему-то почти посередине груди. Невиданная круглая шапка с плоским верхом, лихо сдвинутая на затылок.

Не-Андерсон глядел на Хуц-Ги-Сати с любопытством и жалостью.

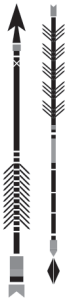
А тот икнул и ошалело выдавил:

— Что... Где...

Замолчал. Незнакомые, при этом непонятным образом известные ему слова давались тяжело, челюсти едва ворочались, нижняя еще и странно щелкала.

Хуц-Ги-Сати окончательно перестал что-либо понимать и замолчал, тупо глядя на усатого копа в шапке. Тот рассмеялся, заворошил бумаги на столе. Индеец, мысленно застонав, прикрыл глаза. Даже бумага тут была не такой — более плотной на вид и желтоватой.

— В околотке ты, Дима, где ж тебе еще быть-то после твоих художеств. Вот, насладись! — Усатый нашел нужный лист, дальнозорко вытянул перед собой и с выражением начал читать: — Так, вот... ага... «...Июля сего года мещанин Смирнов Дмитрий Христофорович — ты, значит, — будучи пьян и в состоянии

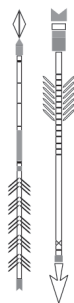
полного изумления, находился в трактире “Три сосны”». Ну да, где ж еще... «В означенном трактире находились мещане Возников Трофим Викторович и Легостаев Иннокентий Спиридонович, а с ними еще трое лиц, значимость которых в произошедшем не столь велика...» А?! Как излагает, заслушаешься! — воскликнул усатый и торжествующе глянул на окончательно ошарашенного сидельца. Хуц-Ги-Сати сидел, прикрыв глаза, руками вцепился в лавку так, что суставы побелели. Какой Дмитрий? Что такое Христофорович? Ладно, был навеселе, это привычно, но почему он вообще понимает этот язык?

— Читаем дальше, — вернулся к бумаге коп. — «Между означенными мещанами произошла взаимная неприязнь в виде оскорбительных высказываний мещанина Смирнова, таковых как “белые скоты”, “непотребные твари” и иных оборотов, кои приводить даже и не следует. В результате означенных словесных оборотов взаимная неприязнь выразилась в причинении означенными мещанами друг другу ударов руками, а также иными подручными предметами в область головы и иных органов туловища». — Усатый опустил лист на стол, припечатал ладонью. — Давно говорю: Загорулько надо книжки писать. Про сыщиков. Не хочет. — И уже задержанному: — Ну, что скажешь, мещанин Смирнов? — Усатый коп смотрел почему-то с сочувствием. — Дима, я все понимаю, но матушки твоей уже два года как не стало. Может, хватит горе ханкой заливать?

Мещанин Смирнов глупо улыбался.

Все понятно.

Это дүхи.

Злые дүхи, о которых ему рассказывала мама. Умершая много лет назад. Хоронили которую за счет города... Так что это все дүхи.

И усатый — это злой дух, морок, который хочет завладеть обеими его душами. Иначе никак не объяснить, что он, тлинкит Хуц-Ги-Сати, которого записали в документах белых порабитителей как Джека Джонсона, всю жизнь говоривший на языке британских захватчиков, понимает буквы, написанные под портретом неизвестного мужика в незнакомом мундире. С такими же усами, что и у копа. С внимательными светлыми глазами и курносый славянским носом.

«Его Императорское Величество Владимир III».

Мещанин Смирнов глупо улыбнулся, сказал:

— Что-то мне нехорошо. Посплю немного. —

И улегся на лавку.

Крепко зажмурился.

Это дүхи. Морок. Все пройдет.

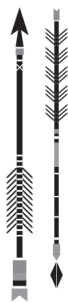
Не прошло.

Не исчезло.

Хуц-Ги-Сати проснулся от запаха свежего кофе. И другого — незнакомого, но на редкость уютного, сытного. От которого заурчало в животе, рот наполнился слюной, и индеец вспомнил, что последний раз он ел...

А собственно, где и когда?

— Давай, Дима, налегай, только осторожно. — Давешний мужик в непонятной форме стоял у решетки. В одной руке здоровенная, исходящая паром кружка,

в другой металлическая миска, а в ней — золотистая каша. Полная миска, аж с горкой.

«KASHA» — слово само всплыло в голове, одновременно и знакомое, и непривычное.

За плечом мужика возвышался еще один. В такой же странной форме, такой же кряжистый и усатый, но на полголовы выше. Вроде бы помоложе, может, и одних с индейцем лет.

Смотрел он на Хуц-Ги-Сати как-то странно — с неодобрением, жалостью и отчего-то разочарованием. Не, не жалостью — сочувствием. Так смотрят на знакомого, которого давно не видел, а тут, понимаешь, «ой, помните, соседский сынок. Такой был хороший мальчик, на скрипочке играл. Представляете, спился».

— Горюнов сейчас дверь откроет, я миску поставлю. Позавтракаешь. Посуду потом к решетке поставишь, — старший коп тяжело вздохнул, — хотя что я тебе говорю, сам все знаешь. К сожалению.

И добавил в сердцах:

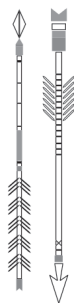
— Вот что ты барагозишь? Ну, болит у тебя в родном городе сердце, так иди в рейс снова, не сиди на месте. Или уже в экспедиционный корпус заверстайся, вон у них листовки на каждом столбе! Двигай в этот их Белуджистан, хоть мир посмотришь! Индуски, опять же, говорят, красивые.

Молчаливый здоровяк позвенел ключами — настоящими железными ключами в нехилом таком врезном замке! Отошел в сторону, все так же непонятно-осуждающе глядя на задержанного.

Неожиданно густым басом спросил старшего:

— Пал Евграфыч, успеем доставить-то?

— А что тут успевать-то, а, Горюнов? Сейчас вот Дмитрий Христофорович откушают, да и пойдём, помолясь.

Хуц-Ги-Сати слушал и уже всю наворачивал горячую кашу. Сначала обжегся, хлебнул кофе — такого же горячего!

— Shit!

— Ты что это по-бусурмански сквернословишь? — удивился тот, кого Горюнов назвал Пал Евграфычем. — Негоже так!

Он внезапно насторожился, подошел ближе.

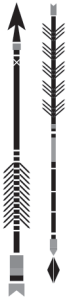
— И откуда ты ругань-то ихнюю так узнал? Она-ка не задумываясь вылетает?

Хуц-Ги-Сати опустил глаза, лихорадочно думал. Знал он этот взгляд, так смотрели на него шеф Андерсон и те агенты ФБР, что приперлись аж в их дыру на краю света, чтоб допросить по какому-то делу Движения американских индейцев. Точнее, не самого движения, а «Железных сердец», которые решили, что АИМ слишком мягкие и чересчур любезничают с бледнолицыми. Хуц-Ги-Сати был с ними полностью согласен, но присоединяться не спешил. Поскольку был по натуре одиночкой, никому особо не доверял, тем более после смерти родителей. А еще, хоть он бы никогда в том не сознался, был романтиком.

Потому и пошел в дальнобой. Любил дорогу, ночевки то в городах, где раньше ни разу не был, то в мотелях, а то и вовсе под открытым небом на обочине трассы. Выходил из кабины, да и ложился в придорожном лесочке в спальнике.

Если, конечно, вокруг спокойно было.

Да и платили неплохо, хотя профсоюз время от времени начинал бузить. Тут Хуц-Ги-Сати встречал в бучу на стороне профсоюзов — за свой кровный доллар можно и со злыми духами поплясать, не то что с бледнолицыми.

Все это вертелось у него в голове, булькало кашей, такой же горячей, что была в миске, на привычные слова налезали новые, невесть откуда взявшиеся, но отчего-то понятные.

Внезапно всплыло слово «ispravnik» и фамилия — Bryazgin.

Голова от этого лопалась, но Хуц-Ги-Сати призвал на помощь всю древнюю мудрость и тренировку тлинкитского воина. Представил, что он в волнах зимнего океана и этой холодной силе должен противопоставить такую же холодную решимость и сосредоточенность.

Говорил он медленно, понемногу привыкая к тому, как складываются в непривычные слова губы. Для чего то дул на ложку с кашей, то неторопливо жевал.

И не забывал морщиться — губы-то и нёбо он и правда неслабо обжег.

— Вы, Пал Евграф-фыч, меня на испуг-то не берите. Я, может, и похмельный, да не тупой. Что вы сквернословия не терпите в любом виде — помню. Мне зачем вас злить-то?

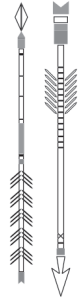
Брызгин уже открыл рот, явно каверзу какую учинить хотел, но неожиданно помог незнакомый-знакомый Горюнов.

— Да он по всей стране, почитай, колесит, сам же рассказывал, как его у границы порубежники наши трясли. Нешто с ихними-то водителями не балакал?

— Во, опередил! — чуть не подавившись от радости кашей, Хуц-Ги-Сати показал на спасителя ложкой. — Я там такого наслушался! Хотите, загну?

И он заржал, стараясь выглядеть как можно глупее.

Брызгин быстро повернулся к подчиненному, тот вытянулся по стойке «смирно», глядел на начальство преданно и слегка испуганно.

— Поперек батьки в пекло не лезть, слышал? — очень спокойно спросил Брызгин. Горюнов дернул кадыком и только молча кивнул.

— Вот и хорошо.

До конца дня Хуц-Ги-Сати с трудом сдерживался, чтобы не начать истерически хихикать.

Его отвели в туалет, там все так же молчаливо сочувствующий Горюнов выдал кусок мыла, застиранное до невозможности, но чистое полотенце и одноразовый бритвенный станок.

Индеец до пояса разделся, умылся как следует.

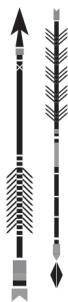
Побрился, впервые в ясном уме неторопливо разглядывая себя в зеркале. Вроде такой же, как в настоящем мире. Высокий, жилистый, на плече — шрам, как и там. Лицо тоже сухое, черты лица резкие, нос прямой, только чуток набок свернут — это в юности еще. Глаза большие, это в маму. Темные, бабы млеют, говорят, как в жаркую ночь смотришься.

Не качался особо никогда, а плечи от отца достались — широкие, покатые. Потому всегда любил свободные рубахи да куртки из грубой кожи. И удобно, и не порвешь, если руками машешь.

А вот волосы в этом мире он стриг отчего-то почти под «ежа».

Только бриться закончил, как коп сунул ему зеленую фуфайку и плотную добротную рубаху с воротом-стойкой.

— На вот, оденься хоть по-людски, надо ж было так одежду кровищей заляпать.

В комнате его уже ждал Брызгин, стоял у стола, поигрывал ключами.

Кивнул, и они пошли.

Хуц-Ги-Сати сощурился от яркого солнца. Здесь, как и в настоящем мире, стояло лето. Но пахло как-то иначе, гуще был запах зелени, а водорослями почти и не пахло. Да и море само не чувствовалось так близко, как ТАМ.

Выше были близкие горы, а городок...

«Ты всегда должен быть настороже и смотреть по сторонам. Но не привлекай внимания, будь бесстрастен и готов к действию», — зашептали в голове голоса. Один — отцовский, что приходил к нему лишь иногда и звучал чуть слышно. Второй — Человека Без Лица. Он слышал его лишь два раза — потом пришли федералы, и пришлось срочно меняться рейсами, брать груз... Чтобы уехать от ненужного внимания, проклиная себя за то, что был неосторожен.

Не могло быть такого городка. Диковинные островерхие крыши. Домики опрятные, все больше деревянные. Палисадники вокруг, ворота, украшенные невиданной резьбой, — но — тут сердце индейца сбилось, пропустило такт — в большинстве в невиданный чужой узор вплетены знакомые тлинкитские образы. Ни с чем нельзя спутать эти плавные вытянутые обводы, точные линии, исполненные силы образы!

Откуда они здесь?

Почему они вон на тех голубых наливниках и на том здоровом, в два этажа, доме?! И вместе с какими-то дурацкими петушками и завитушками?!

Людей было немного, и Хуц-Ги-Сати решил, что утро раннее, а день рабочий. Когда выходили, на часы он не смотрел, не до того было — взгляд приковал